

В. П. ЗУБОВ

К истории русского ораторского искусства конца XVII—первой половины XVIII в.

(Русская люллианская литература и ее назначение)

Древнерусские сочинения о «Великой науке», или «Великом искусстве», Раймунда Люллия до настоящего времени опубликованы лишь в отрывках.¹ Их изучали историки литературы, историки философии, историки естествознания.² Но до сих пор не раскрыт их подлинный характер. Чтобы сделать это, нужно, как мне кажется, прежде всего определить их назначение — нужно решить вопрос, на какую потребу и в какой среде возникли русские люллианские сочинения, что именно русские читатели надеялись найти в люллианском «Великом искусстве»?

Обычно считали, что «Великая наука» была своего рода энциклопедией, источником знания о всех вещах и явлениях Вселенной. «Итак, — писала в 1896 г. М. В. Безобразова,³ — для того, кто овладел „Великою наукою“, уже не существует всех остальных наук: они становятся излишними; „Великая наука“ в состоянии ответить на все вопросы и раскрывает, следовательно, все тайны». «Наука эта является как бы символом жизненного элексира и чудесного камня, найти которые стремились средние века».⁴

Действительно, в «Великой науке» можно найти заявления, что «сия наука о всех прочих науках научает, тем же соборнейша есть не токмо богословия, но и всех мудростей», а в предисловии к «Краткой науке» говорится, что когда познана эта наука, то и «иные науки добрейше познаться могут и научитися». Однако это не значит, что люллианская наука должна, по мысли автора, заменить все прочие. Она вовсе не ставила своей целью сообщать фактические данные о действительных вещах. Ее задача — научить универсальному логическому методу: «соответсвати о всяцѣм вопрошении». А знание логики, как известно, не избавляет от

¹ В своей «Исторической хрестоматии» (М., 1861, стлб. 1363—1366) Ф. И. Буслаев поместил небольшие отрывки из «Великой науки»: «О дивовищах. О количестве. О качестве». Далее, выдержки были приведены в статье М. В. Безобразовой «О „Великой науке“ Р. Люллия в русских рукописях XVII в.» (ЖМНП, 1896, № 2, отд. 2, стр. 383—399). В сравнительно недавнее время изучал по рукописям «Великую науку» Б. Е. Райков (Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России, 1-е изд. М.—Л., 1937, стр. 34—42; 2-е изд., М.—Л., 1947, стр. 53—65).

² Кроме работ, указанных в предыдущем примечании, следует назвать: архим. Никанор. «Великая наука» Раймунда Люллия в сокращении Андрея Денисова. — ИОРЯС, т. 18, 1913, кн. 2, стр. 10—36; В. Г. Дружинин. К вопросу об авторе сокращения «Великой науки» Раймунда Люллия. — ИОРЯС, т. 19, 1914, кн. 1, стр. 342—344. Остальную литературу см. дальше в тексте и соответствующих сносках.

³ М. В. Безобразова. О «Великой науке» Р. Люллия. . . , стр. 389.

⁴ Там же.

обязанности изучать все прочие науки. Логика вводит в конкретные науки о действительном мире, учит методу.

Что касается фактических сведений о реальном мире, то они имеют в «Великой науке» явно вспомогательное, иллюстративное значение. И заимствованы они по большей части из довольно архаических источников, никак не отражающих уровень естественно-научных знаний в Московской Руси конца XVII в.

За последние годы в особенности стало ясно, что уровень естественно-научных знаний в Московской Руси вовсе не был так низок, как принято было думать раньше. Русские землепроходцы и рудознаты, инженеры и техники, врачи и аптекари, ремесленники и военные обладали большим количеством естественно-научных сведений, и их опыт еще более расширялся благодаря знакомству с передовой западноевропейской научной литературой. Огромная работа велась в приказах как по обобщению эмпирических данных, так и по переводу и переработке иностранных научных произведений. В сопоставлении с ними естественно-научные сведения, содержащиеся в «Великой науке», безнадежно архаичны: ссылки на Кардано (1501—1576), которые сами по себе уже являются анахронизмом для конца XVII в., тонут в массе традиционного bestiарного материала — легенд о фениксе, «дивовищах» и т. д.

Естественно, что «Великую науку» нельзя привлекать для характеристики русского естествознания конца XVII в. И нельзя прежде всего потому, что она вовсе не является естественно-научной энциклопедией.⁵ Цель и назначение ее — другие, и возникла она вовсе не в тех кругах русского общества, которые имели отношение к вопросам естествознания.

«Науку», или, точнее, «искусство» Люллия часто характеризовали как *ars inventiendi*. По-русски эту характеристику передавали словами: «искусство изобретения» или «искусство открытия». С этой точки зрения «Искусство» Люллия оказывалось нелепой попыткой раскрыть все «тайны мироздания» путем механической комбинации небольшого количества отвлеченных понятий. Но термин *inventio* имеет и другое значение — риторическое. По классическому определению Цицерона, «изобретение (*inventio*) есть придумывание истинных или правдоподобных вещей, которые делают вероятным защищаемое положение»,⁶ тогда как «расположение (*dispositio*) есть „распределение изобретенных вещей в порядке“». ⁷ «Искусство» Люллия должно было служить этим двум целям: создать костяк будущего ораторского произведения, распределить в строгом порядке, «по чину», основные мысли этого произведения.

Если рассматривать люллианские сочинения в плане логико-риторическом, то их распространение у нас в России в конце XVII и в первых десятилетиях XVIII в. вовсе не будет анахронизмом. Достаточно вспомнить,

⁵ Охарактеризовав «Великую науку» как «обширный философский трактат в восьми книгах, стремящийся охватить в одной общей схеме весь мир — духовный и материальный — науку наук», Б. Е. Райков (Очерки. . ., стр. 36), в сущности, не мог найти здесь ничего положительного. Точно так же Т. И. Райнов (Наука в России XI—XVII вв. М.—Л., 1940, стр. 434 и 466), основываясь исключительно на опубликованных выдержках, весьма сурово оценил «астрономию» и «биологию» «Великой науки».

⁶ «*Inventio est excogitatio rerum verarum, aut veri similibum, quae causam probabilem reddant*» (Cic., *De inventione*, I, 7, 9). В формулировке Софрония Лихуда: «Обретение есть еже вымышляти истинные вещи, или подобныя истинным, ими же да покажется достоверно еже ритор показати тцится» (пер. Косьмы, ркп. ГБЛ, собр. Рум., № 245, л. 11 об.).

⁷ «*Dispositio est rerum inventarum in ordine distributio*». В формулировке того же Софрония: «Изложение есть обретшихся вещей по чину разделение».

что и на Западе на протяжении XVI—XVIII вв. проявлялся живой интерес к «Искусству» Люллия.

В начале XVI в. люллианство пользовалось огромной популярностью в Париже. Лефевр д'Этапль (Faber Stapulensis, около 1455—1537) издал целый ряд сочинений Люллия. Того же Люллия комментировал немецкий гуманист Агриппа Неттесгеймский (1486—1535), известный русскому читателю по роману В. Я. Брюсова «Огненный ангел».⁸ Во второй половине XVI в. большое внимание уделял «люллианскому искусству» Джордано Бруно (1548—1600).⁹

Объем люллианской литературы еще более возрос в XVII в. Ограничимся упоминанием Альстеда,¹⁰ Санчеса,¹¹ Морестелли,¹² де Васси.¹³ Во второй половине столетия люллианским искусством занимался А. Кирхер (1602—1680).¹⁴ К нему проявлял живой интерес молодой Лейбниц.¹⁵ Наконец, только в XVIII в. было предпринято Зальцингером издание первого полного собрания сочинений Люллия, правда оставшееся незаконченным.¹⁶

В этом позднем люллианстве XVII и начала XVIII в. ясно заметны две различные струи, хотя и переплетающиеся друг с другом. Интересы одних авторов были направлены преимущественно на проблемы логического характера — на сочетание понятий и исчисление возможных случаев их сочетаний, т. е. на проблемы, которые позднее стали разрабатываться в математической логике (именно эта сторона вопроса привлекала внимание Лейбница). Другая группа авторов использовала люллианское искусство на поприще риторики,¹⁷ и с этим именно направлением прежде всего связана русская люллианская литература, хотя среди западноевропейских произведений и нельзя найти какое-либо одно, послужившее для нее источником или прототипом.

⁸ В. Брюсову принадлежит также перевод книжки Ж. Орье «Агриппа Неттесгеймский» (М., 1913).

⁹ Ср.: В. П. Зубов. Рукописное наследие Джордано Бруно. «Московский Кодекс» Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, в. XI. М., 1950, стр. 164—182.

¹⁰ J. H. Alstedius. Clavis artis Lullianae et verae logices. Argentorati, 1609; Argentorati, 1652.

¹¹ H. Sanchez. Generalis et admirabilis methodus ad omnes scientias facilius et citius addiscendas, in qua eximii et piissimi doctoris Raimundi Lullii Ars brevis explicatur, 1612 (экземпляр в ГПБ в Ленинграде).

¹² T. Morestellus. 1) Artis Kabbalisticæ, sive sapientiae divinae Academia, Paris, 1621; 2) Ἐγκύκλιος παιδεία sive Artificioſa ratio et via circularis ad artem magnam et mirabilem illuminati magistri Raymundi Lullii... In Collegio Salicetano, 1646 (обе книги в ГПБ в Ленинграде).

¹³ Де Васси перевел «Великое искусство» Люллия: Le grand et dernier art de Raymond Lulle. Fidelityment traduit de mot à autre. Paris, 1635 (экземпляр в ГПБ в Ленинграде). О люллианстве XVI—XVII вв. ср. J. Carreras i Artau в кн.: Ramon Lull. Obras essencials. Barcelona, 1957, стр. 77—79.

¹⁴ A. Kircher. Ars magna sciendi in XII libros digesta. Amstelodami, 1669.

¹⁵ См. его сочинение «De arte combinatoria» (1666 г.), а также письмо к ганноверскому герцогу Иоганну-Фридриху (Philosophische Schriften, hrsg. von Gerhardt, Bd. I, стр. 58; Bd. IV, стр. 40).

¹⁶ За время с 1721 по 1742 г. вышли тт. 1—6 и 9—10; тт. 7 и 8, видимо, не выходили вовсе.

¹⁷ В указанном сочинении Санчеса приведены примеры речей, построенных по люллианским схемам. В 1638 г. в Париже вышла книга «Rhetoricorum R. Lullii nova evulgatio». В издании сочинений Люллия, вышедшем в 1651 г. (Opera ea quae ad adinventam ab ipso artem universalem pertinent. Argentorati), содержится «Риторика», за которой следует «образцовая речь» (oratio exemplaris) на философскую тему об акциденциях. Наконец, Жакоб перевел на французский: La clavicule ou la science de R. Lulle, avec toutes les figures de rhétorique. Paris, 1646.

В русских списках «Великое искусство» Люллия именуется «каббалистическим». Такое наименование не принадлежит самому Люллию,¹⁸ но стало популярным в люллианских сочинениях XVII в.¹⁹ Не следует, однако, на основании этого причислять сочинения о «великом искусстве» к одному разряду с сочинениями о «жизненном эликсире» или «философском камне». Они не утрачивают и в этом облиции своей логико-риторической сути.

Сумасбродный и мистически экзальтированный оборот люллианства приняло в писаниях Квирина Кульмана, увлекшегося им в начале 1670-х годов под влиянием книги А. Кирхера. В апреле 1689 г. Кульман явился в Москву и 4 октября того же года был сожжен здесь на костре.²⁰ Однако не с Кульманом связано проникновение люллианства в Россию. Хотя москвичи и могли услышать от него о Люллии, но не могли у него научиться «люллиеву искусству» — настолько беспорядочно-восторженный и стилистически вычурный характер носят его произведения.²¹ Между тем дошедшие до нас русские сочинения именно учат «люллиеву искусству».

«Великая наука» известна у нас во множестве списков.²² Полное ее заглавие таково: «Великая и предивная наука кабалистичная великого бога преосвященного Раймунда Люллия в Сарбоне Парижской академии фи-

¹⁸ Сочинение «*Ars cabbalistica*», или «*Opusculum de auditu cabbalistico*» (Paris, 1578, Ven. 1533, Argentorati, 1598), а также в «*Opera...*» (Argentorati, 1651, стр. 43—111) не является подлинным. См.: *Histoire littéraire de la France*, t. 29. Paris, 1885, стр. 255. Апокрифическим является также «*Ars clavigera Raymundi Lulli, sive de Cabala*» (см.: С. Ottaviano. *L'ars compendiosa de R. Lulle. Avec une étude sur la bibliographie et le fond Ambrosien de Lulle*. Paris, 1930, стр. 99).

¹⁹ Напомним указанное выше сочинение Морестелли. В книге «*Rhetoricorum R. Lullii nova evulgatio*» также содержатся разделы: *Applicatio artis Lullianae cabbalisticae* (стр. 61), *Multiplicatio artis cabbalisticae* (стр. 70).

²⁰ Из сочинений Кульмана назовем: 1) *Der hohen Weisheit fürtreffliche Lehr-Hoff*. Jena, 1672; 2) *Lehrreicher Geschichts-Herold*. Jena, 1673; 3) *Epistolae duae, prior de Arte magna sciendi sive combinatoria, posterior de admirabilibus quibusdam inventis*, Lugd. Bat. 1674 [эти письма вошли в «*Kircheriana de Arte magna sciendi sive combinatoria*» (Londini, 1681)]. Все указанные сочинения имеются в ГПБ в Ленинграде. О Кульмане см.: Н. С. Тихонова в. Квири́н Кульман. — Сочинения, т. II. М., 1898, стр. 305—375 и примечания, стр. 59—68. Должен заметить, что язык Кульмана в передаче Тихоновой «приглажен» и его перевод не передает характерных особенностей стиля.

²¹ Предположение, что «Великое искусство» Люллия стало известно в Москве во времена Кульмана, было высказано когда-то А. Ф. Лабзиным в предисловии к книге Беме (Путь ко Христу. СПб., 1815, стр. XXIII—XIV), но в последующей литературе не получило поддержки и подкрепления.

²² Укажем из них: в Москве: а) ГБА: Муз. 625 (Пискарь. 190); Муз. 2867 (Бусл.); Муз. 2954 (первые 4 части); Муз. 8255; Больш. 243; Унд. 1334 (первые 7 частей); б) ГИМ: Увар. 2234 (18); Увар. 2235 (15); Увар. 2236; Забел. 94; Хлуд. 75 (не вошла в описание Попова, см.: архим. Никанор. «Великая наука» Раймунда Люллия... стр. 12); в) ЦГАДА: МАМИД 663/1175; МАМИД 891/1475; г) Московский архитектурный институт (библиотека); в Ленинграде: а) ГПБ: F.III.2 = Дубр. 809; F.III.23; F.III.105; F.III.211; Михайл. 116.Ф; Толст. Q.379; Погод. 1761; Тихан. 216; СПб. дух. акад. 204 (части 1—4); СПб. дух. акад. 205 (части 5—8); СПб. дух. акад. (Соф.) 1556; ОЛДП II (99) 8°; ОЛДП CLXXXV (6446) 8°; ОЛДП, Q.XL (Вяз.); Солов. 1508/49; б) БАН: 17.15.20; 19.2.9; 31.3.30; 33.8.10 (Сев.); Усп. 127; Воронц. 213; Петроз. арх., д. 83 (159); в) Киев: Гос. публ. библ. Украины: Киево-Печерск., л. 130 (224); Унив. Суд. 59 (41); Муз. 699 (последний список упоминается у Н. И. Петрова в «Описании рукописных собраний, находящихся в г. Киеве», в. II. М., 1879, стр. 47, но отсутствует в его же «Описании рукописей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии» (вв. I—III, Киев, 1875—1879)). Некоторые списки, современное местонахождение которых мне неизвестно, указаны у Никанора («Великая наука» Раймунда Люллия... стр. 24), перечисляющего и большинство приведенных мною выше. Обращаю внимание тех, кто пожелал бы подробнее исследовать филиацию списков, на имена, помеченные в корнях «древа Порфирия» и «древа Манориканского» в части 1. Они варьируют от списка к списку, причем можно наметить несколько типов таких вариантов.

лософии и богословии и прочих наук славноименитого учителя, Манорикския академии в царстве гишпанском заводчика, первоначальника, воздвигателя и нового учения, до его в прочих академиях непредлагаемого, творца и уставителя».

Текст «Великой науки» не является ни переводом «*Arg magna*» самого Люллия, ни переводом какого-либо из наиболее известных западноевропейских комментариев, что было подмечено еще М. В. Безобразовой.²³ Высказывалось предположение, что в основе лежит какой-то польский комментарий,²⁴ но никаких серьезных оснований для этого нет. Более того, как уже отмечал в свое время Н. А. Соколов,²⁵ в тексте «Великой науки» явно сказывается «приспособление к русской действительности»; русские меры (пуды, фунты, золотники, сажени, версты, мили, ложки, чарки), русские пословицы («не родися мудрый, ни богатый, но счастлив»), вычисление времени «от преложения книг до крещения русския земли», упоминание о «некоем искусном в философии толковнике русском», который «в логике Дамаскина святого описал, что убикацио, локалитас, хекцейтас, значат три словеса положенные: гдечество, месточество, тоечество».²⁶

Состоит «Великая наука» из 8 частей: 1) О естестве, единстве и совершенстве, 2) О прилагаемых соборных (*praedicata absoluta*), 3) О разборных (или рассматрительных) прилагаемых (*praedicata relata*, или *respectiva*), 4) О вопросах (*quaestiones*), 5) О существах (*subiecta*), 6) О случаях (*accidentia*), 7) О добродетелях (*virtutes*), 8) О прегрешениях (*vitia*).²⁷

Как отмечает русский автор «Великой науки», Люллий не выделяя в особую первую часть вопрос «о естестве, единстве и совершенстве». Ставя их на первом месте, составитель последовал «изволению согласному толковников Раймунда Люллия». Впрочем, как он сам указывает, Генрих Корнилий Агриппа (Неттесгеймский) и «инии нецвы толковники» на первое место ставили то, что составляет в русском тексте часть V, объединяя с нею вопросы части I, причем «крепкими доводами» подтверждали, что «не подобало особую часть творити о естестве, единстве и совершенстве».²⁸

²³ М. В. Безобразова. О «Великой науке» Р. Люллия... стр. 383. — Безобразова указала, что русский текст не является переводом комментариев Валерия Валерика Патриция, Агриппы Неттесгеймского и Джордано Бруно.

²⁴ М. В. Безобразова. О «Великой науке» Р. Люллия...; ср.: Е. В. Барсов. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. — ЛЗАК, в. 6. СПб., 1877, отд. 3, стр. 24.

²⁵ Н. А. Соколов. «Философия Раймунда Люллия» и ее автор. — ЖМНП, 1907, № 8, стр. 335.

²⁶ Здесь имеется в виду перевод «Диалектики» Иоанна Дамаскина, сделанный под наблюдением Курбского. Только что приведенные особенности русского текста (наряду с частым упоминанием «толковников» Люллия) делают несостоятельным утверждение Т. И. Райнова (Наука в России XI—XVII вв., стр. 434), полагающего, что для решения вопроса, не является ли русская «Великая наука» переводом одного из сочинений самого Люллия, «нужно было бы провести подробную работу по сравнению русского текста с текстом разных произведений Раймунда, из которых некоторые, вдобавок, еще и не напечатаны». Как я уже указывал (стр. 289 настоящей статьи), автор «Великой науки» упоминает Кордано, что также говорит против трудоемкого метода, предлагаемого Т. И. Райновым.

²⁷ В скобках указаны мною соответствующие латинские термины, которыми пользовался Люллий и его последователи.

²⁸ См. предисловия к частям I и V. Указанная I часть особенно интересна для истории русской философской терминологии. Автор сначала дает латинские термины в русской транскрипции: энс, эссенция, эссе, натура, энтытас, эссенциалитас, квиддытас, актус пурус, — а затем в ходе изложения передает их соответствующими русскими словами: истость (*essentia*), естества физичная (*esse, natura*), естественность (*entitas*), истость (*essentialitas*), ежечество (*quidditas*), действо чистое (*actus purus*). Точно так же в IV книге (гл. 8) он старается передать такие вычурные термины, как *undequitas* (откудучество), и различает формы нахождения в пространстве: *repletive* (наполни-

Нет у самого Люллия и того, о чем говорится в части VI: эта часть посвящена девяти категориям Аристотеля, начиная со второй и кончая десятой (первая категория, *οὐσία*, «естество» уже рассмотрена в I части). Таким образом, «сам Раймундус Люллиус науку свою пределил на 6 частей»²⁹ и лишь «толковники» добавили части I и VI.

Оставив пока в стороне добавочные части, попробуем вникнуть в самое существо Люллиевой «мудрости».

Она может быть сведена в нижеследующую таблицу, в которой наряду с латинскими терминами мы даем соответствующие славянские из «Великой науки». Таблица эта носит название «алфавита». В таблице «Великой науки» введены славянские буквы, но в аналогичной таблице «Краткой науки» — переводе «Ars brevis» Люллия (см. дальше) русский переводчик сохранил латинский алфавит.

Из указанных в таблице элементов строятся так называемые четыре фигуры. Первая фигура, или фигура «А», состоит из двух концентрических кругов. В первом из них, неподвижном, по периферии написаны 9 абсолютных предикатов (*bonitas, magnitudo* и т. д.), во втором круге, вращающемся, — соответствующие прилагательные (*bonum, magnum* и т. д.). Расположив сначала *bonum* против *bonitas* и т. д., имеем тавтологии: *bonitas est bona, magnitudo est magna* и т. д. Передвинув на одно деление, получаем: *bonitas est magna, magnitudo est durabilis* и т. д. и т. д.

Фигура вторая, или фигура «Т», представляет собою схему, в которой используются 9 относительных предикатов (*differentia, concordantia* и т. д.).

Фигура третья представляет собою сочетание попарно всех элементов, входящих в таблицу (алфавит), т. е. *bc, bd, be... cd, ce, cf... de, df... и т. д.* до *ik*. Все эти комбинации легко получаются при пользовании двумя концентрическими кругами, подобными тем, о которых мы говорили в первой фигуре.

Наконец, фигура четвертая основана на комбинациях трех элементов. В данном случае пользуются тремя кругами.

К пользованию указанными фигурами, в сущности, и сводится вся люллианская «мудрость»: последовательное комбинирование элементов таблицы позволяет исчислить все их возможные комбинации и вместе с тем дает путеводную нить оратору при изложении своих мыслей. *Ars inveniendi* — искусство одновременно и логическое и риторическое.

Но, как мы уже сказали, люллианские положения дополнены в славянской версии аристотелевскими элементами. В части I рассматривается наряду с единством и совершенством первая из 10 аристотелевских категорий: сущность, или «естество». Остальные 9 рассмотрены в части VI, а именно: количество (*quantitas*), качество (*qualitas*), отношение (*relatio*), деяние (*actio*), страдание (*passio*), имение (*habitus*), положение (*situs*), время (*quando*), место (*ubi*).³⁰ Эти категории также вовлекаются в круговорот люллианских фигур.³¹

тельно), *definitive* (описательно), *occupative* (занятельно), *continentive* (вмещательно) и т. д.

²⁹ Предисловие к «Великой науке».

³⁰ Порядок здесь несколько нарушен по сравнению с Аристотелем.

³¹ Ср. аналогичное указание на риторическое значение категорий Аристотеля в «Риторике» Софрония Лихуда: «К совершенному подлежащего и оповедуемого разделению полезна суть zelo Аристотелева оповедания (яже глаголются категории) держати сиречь сия: существо, количество, качество, еже к чесому [*πρός τι* — отношение], еже творити, еже страдати, еже где, еже когда, еже лежати и еже имети, их же и иных неких неведения ради к слову еже разглагольствовати приличествующих овогда ритори zelo погрешати обыкоша» (пер. Космы, ч. 1, гл. 9, ркп. ГБЛ, собр. Рум. № 245, лл. 45 об.—46).

	Praedicata absoluta Прилагаемые соборные	Praedicata relata Прилагаемые разборные	Quaestiones Вопросы	Subiecta Существа	Virtutes Добродетели	Vitia Прегрешения
В	bonitas доброта	differentia разнство	utrum аще есть	deus бог	justitia праведность	avaritia сребролюбие
С	magnitudo величество	concordantia согласие	quid что есть	angelus ангел	prudentia мудрость	gula обжирство
Д	duratio пробывание	contrarietas противность	quare с чего есть	coelum небо	fortitudo мужество	luxuria блудство
Е	potentia власть	principium начало	quomodo како есть	homo человек	temperantia воздержание	superbia гордость
Ф	cognitio разум	medium середина	ex quo с чего есть	imaginativa мыслительное существо	fides вера	acedia ленивость
Г	voluntas воля	finis конец	quantum коликое есть	sensitiva животное существо	spes надежда	invidia зависть
Н	virtus сила	maioritas большество	quale каково есть	vegetativa растительное существо	charitas любовь	ira гнев
Ж	veritas истина	aequalitas равенство	ubi где есть	elementativa стихийное существо	patientia терпение	mendacium ложь
К	gloria слава	minoritas меньшество	quando когда есть	instrumentativa орудительное существо	pietas благочестие	inconstantia непостоянство

Мы не имеем возможности и надобности подробнее останавливаться на существовании люллианского учения. Перейдем прямо к доказательству, что вся техника люллианского круговерчения была у нас на Руси ориентирована в основном в сторону риторики. Доказать это нетрудно.

Вот, например, что говорится в конце книги II, после того, как рассмотрены «прилагаемые соборные»: «Во всех вся суть и ничтоже без них, иже явилось во описании и определении их. Тем же егда слово о чем ни есть твориши, прилагай оные феме своей, являючи разные определения их, избирающе которое тебе угодное и слову твоему приличное, подкрепляюще оные иными доводами, наипаче от прилагаемых разборных вземлемыми: в которых убо вся места доводов риторичных, философских и богословских заключаются, яко скоро в последующей им части третьей услышиши.

Вопросы о всяких вещах творимые велми пространяют слово и разум совершенно в мудростях искусный являют, всякую недоумеетность и усумнение разрешаючи и светло всякую вещь предлагаючи».

Из приведенного отрывка ясно видно, что речь идет о произносимом ораторском «слове», которое строится по схеме Люллия.

В конце книги III, в «Увещании кратком о прилагаемых рассмотрительных» точно так же автор старается убедить читателя, что «вся места, которыми риторика слово свое украшает и пространяет и которыми философия и богословия предания своя доводит, в сих заключенная суть».

И дальше (ч. VI, гл. 2) речь идет о том, «како качествами слово упространяети», «како с сего места философского [страдания] к пространению беседы взимати слово» (ч. VI, гл. 5), «о именах како слово пространяети» (ч. VI, гл. 6).

Наконец: «В сей главе [ч. VI, гл. 7] опишу, что есть положение, и о фигурах разных, в них же положение бывает, извещу, та же наставлением покажу, како от положения сего разными фигурами украшати и к разным существам и вещем сия фигуры в подобие предлагати».

Самое любопытное, однако, что те рассуждения о небе, человеке, животных и т. д., которые содержатся в части V и в которых историки естествознания тщетно искали сколько-нибудь серьезных естественно-научных сведений, все построены по методу люллианского круговерчения. Например, о небе говорится в 30 пунктах, что оно есть «плоть», что оно «изливает доброту», больше «всяя плоти стихийная», есть «плоть приснопребывающая», «имеет власть над иными» и т. д. и т. д. — в калейдоскопе проходят перед нами элементы люллианской таблицы. Вся эта «естественно-научная мудрость» буквально высосана из пальца, извлечена из люллианских кругов и расположена по порядку, указываемому «люллиевым искусством». По такой механически полученной канве кое-где расшиты узоры — внесены заимствования из стародавних bestiaries и «физиологов» и т. д.

Ошибка историков естествознания заключается в том, что они видели в «Великом искусстве» своего рода естественно-научную энциклопедию и отсюда делали вывод о невзыскательности московского читателя. В ином свете предстает перед нами «Великое искусство», если мы будем рассматривать его как пособие для оратора, и в первую очередь для проповедника.

Украинский гомилет Иоанникий Голятовский рекомендовал проповедникам читать книги о зверях, птицах, гадах, рыбах, деревьях, камнях, но рекомендовал совсем не потому, что его самого интересовали эти «птихи и звери», и не потому, что он считал нужными знания о них как таковых, — они были ему нужны исключительно «для красоты слога». Точно так же

и все сведения о физическом мире в «Великом искусстве» должны были в конечном итоге служить для словесно-ученой орнаментации. Для этого сообщались имена созвездий, перечислялись знаки зодиака, исчислялись 10 небес и т. д. Это становится совершенно очевидным из раздела «Прочитание обще небу с прочими существы», где, например, 9-е небо («небо звездное») истолковано как символ людей, «добродетельных украшенных», а 8-е небо, «движимое от востока на запад», означает людей, «помышляющих о смерти и о кончине своей», и т. д. и т. д.³²

Кроме «Великой науки», в древнерусской письменности известна «Краткая наука» в двух совершенно различных редакциях. Первая редакция есть дословный перевод «*Ars brevis*» самого Люллия.³³ Ее incipit: «Начинается с богом Краткая наука, яже есть во образ иного издания тояже науки народных...».³⁴ И дальше: «Сего ради сию Краткую науку творим, яко да Великая наука удобнейше познаться может...».³⁵ Эта «Краткая наука» часто сопровождает «Великую».³⁶ Терминология очень близка к «Великой науке», но имеются и некоторые расхождения (например, *medium* передано «посредство», а не «средина»). По всей вероятности, перевод «Краткой науки» и составление «Великой» принадлежат одному лицу. Во всяком случае, «Краткая наука» предшествует «Великой».

Вторая «Краткая наука» возникла на русской почве и является переработкой знакомой нам русской редакции «Великой науки». Переработка эта принадлежит Андрею Денисову.³⁷ Ее начало: «Понеже Великая наука кабалистичная, великую книгу о ней поучающую имеет, ю же везде преносити, или скоро прочести неудобно есть всегда, сего ради вкратце из оных малая сия написуется». В конце указано, что «написася сия книжица вкратце с великия науки кабалистичныя в лето от мироздания 7233 [1725] и совершися в феврале месяце».³⁸

³² Еще пример из части V, гл. 7: «Егда убо верстаеши другие существа с живелами сиречь древесами, цветами, травами, и ты им вся приличные просмотри и одно другому уподобляй. Например, аще человека древу приверстоваеши и ты по подобию древа объяви в человеке корень, столп, дух или мокроту живительную, которую философы часто нарицают душею древа, кожу или лубие, ветви, сучие, лозы, цветы, листие, овощи. Корень в человеке есть глава» и т. д. И дальше: «Подобие аще человека святого древу верстати хощеши, корень положи смирение». Совершенно очевидно, что это не энциклопедия, а пособие для оратора.

³³ Латинский текст: «*Raymundi Lullii Opera ea quae ad adinventam ab ipso artem universalem pertinent*» (Argentorati, 1651, стр. 1—42). Текст переведен полностью.

³⁴ Ср. в латинском тексте: «*Incipit ars brevis quae est imago artis generalis...*».

³⁵ «*Ratio quare facimus istam artem brevem est, ut ars magna facilius sciatur...*». «Великая наука» в данном случае — сочинение самого Люллия, с которым не совпадает русская «Великая наука».

³⁶ Так в указанных выше списках: ГБЛ — Муз. 2867 (Бул.); F.III.2 = Дубр. 809; Погод. 1761; Тихан. 216; кроме того, ГИМ — 422 (117); Барс. 2143; ГПБ — Q.XVII.52 (Богд. 101); Q.III, 192 (Богд. 103); БАН — 16.17.18. Из них поморского письма оба Богдановских и Уваровский.

³⁷ По свидетельству Павла Любопытного (Исторический словарь и каталог или библиотека староверческой церкви. — Прилож. к т. 2 «Сборника для истории старообрядчества», М., 1866, стр. 46), А. Денисов «сократил видно и ясно Романдолюлия Философию и Богословие». Подтверждением принадлежности «Краткой науки» Денисову является анаграмма, на которую впервые обратил внимание В. Г. Дружинин (К вопросу об авторе сокращения «Великой науки» Раймунда Люллия, стр. 342—344).

³⁸ Наиболее интересен список Тихан. 659 в ГПБ в Ленинграде. Он имеет поправки, сделанные, видимо, самим Денисовым (см.: архим. Никанор. «Великая наука» Раймунда Люллия..., стр. 13; В. Г. Дружинин. К вопросу об авторе сокращения «Великой науки» Раймунда Люллия, стр. 342). Поправки перешли в списки 16.15.19 (БАН) и Хлуд. 235 (ГИМ). Кроме рассмотренного сокращения А. Денисова, суще-

Наряду с «Великой наукой» и обоими вариантами «Краткой науки» встречается в списках четвертое сочинение. Оно носит различные заглавия: «Книга нарицаемая Раймунда люлии писанных вещей»;³⁹ «Книга о разуме письма святого риторика Раймунда Люлия римского учителя и кавалера»;⁴⁰ «Наука проповедей».⁴¹ В некоторых списках заглавие вовсе отсутствует.⁴² Сочинение состоит из трех книг,⁴³ тесно объединенных одна с другой, на что указывают перекрестные ссылки. В дальнейшем я условно обозначаю это произведение как «Риторику Люлия».

Нас ближайшим образом интересует книга 2 «О формах поучений». Эти «формы» делятся на риторические, философские и богословские. Риторических — три, философских — две, богословских — одна. Каждой из них посвящена «беседа».⁴⁴

Построение форм основано на технических приемах, заимствованных из разнородных источников, нелюллианских и люллианских. В основе первой риторической формы лежит так называемая «хрия», в основе второй — так называемые «внутренние риторические места»,⁴⁵ в основе третьей — «внешние риторические места».⁴⁶ Канвою для поучения, построенного по второй форме философской, служит 21 вопрос.⁴⁷ Первая философская форма основана на 9 «случаях», т. е. на 9 аристотелевских категориях, которые, как мы знаем, составляют предмет VI части «Великой науки».⁴⁸ Наконец, богословская форма основывается на 9 абсолютных предикатах Люлия, составляющих предмет части II той же «Науки» (добродетель, величество и т. д.).⁴⁹

Оставляя в стороне части, не имеющие прямого отношения к «Великой науке», мы ограничимся рассмотрением «первой философской» и «богословской» форм.

Сличение соответствующих текстов «Риторики Люлия» и «Великой науки» показывает их дословное совпадение⁵⁰ с той разницей, что «Великая наука» более полна и в ней принят вопросо-ответный метод изложения, тогда как «Риторика» придерживается связного и более сжатого изложения и носит в еще большей мере характер практического

ствуется еще конспективное, вопросо-ответное обозрение содержания «Великой науки» в рукописи Муз. 8925 (лл. 269—276) в ГБЛ.

³⁹ Список БАН, Арханг. собр. 149 (903).

⁴⁰ Список ГИМ, Увар. 2115 (6). В этом списке указанное мною в тексте заглавие исправлено другой рукой так: «Книга о разуме письма святого или риторических правил толкование Раймунда Люлия римского учителя и кавалера сущего».

⁴¹ ГИМ, Увар. 2117 (472).

⁴² ГИМ, Увар. 2116 (126); ГИМ, Увар. 2234 (18). В этом последнем списке сочинение следует за «Великой наукой». Также без заглавия ГБЛ, Муз. 205.

⁴³ Часть 1: «О разуме письма святого»; часть 2: «О материи поучения»; часть 3: «О формах поучений».

⁴⁴ «Беседа о первой форме философской» встречается и отдельно, например в сборнике 220 поморского письма XVIII в. из собрания Н. С. Тихонравова, лл. 200—277 (ныне в ГБЛ).

⁴⁵ Их насчитывается 16: описание, разделение, толкование имени и т. д.

⁴⁶ Автор указывает, что Соарий насчитывал таких мест 6, Люлий — 600. Сам он насчитывает $11 + 35 = 46$. К числу первых относятся: оракулы, свидетельства славных людей, исповедания мучеников и т. д.

⁴⁷ Еще есть, что есть, кто, с чего, от кого и т. д.

⁴⁸ Порядок их (в отличие от «Великой науки») соответствует в точности аристотелевскому.

⁴⁹ Терминология в обоих случаях одинаковая, только вместо «количества» введено «величество».

⁵⁰ А именно «Беседа о первой форме философской» соответствует части VI «Великой науки», а «Беседа о форме богословской» — части II.

пособия по риторике.⁵¹ Несомненно, что «Великая наука» предшествовала «Риторике Люллия».⁵²

Сочинение было написано в Москве, так как в книге II, беседе 4, говорится о быстроте движения мысли, благодаря которому «зде на Москве сидящие могут быть образом в Риме». Оно явно возникло не в раскольничьей среде, хотя позднее и пользовалось в ней большой популярностью.⁵³ Посвятивший этому сочинению специальное исследование Д. Созицкий⁵⁴ считает, что оно было написано во втором десятилетии XVIII в.⁵⁵

Рассмотренная «Риторика Люллия», и в особенности содержащаяся в ней «Беседа о первой форме философской», с течением времени пополнялись вставками. Так, в разделы, посвященные количеству и качеству, были вкраплены соответствующие выдержки из «Диалектики» Иоанна Дамаскина. Для того чтобы отличить эти вставки от кусков текста, дословно совпадающих с текстом «Великой науки», на полях некоторых списков сделаны пометки: «Дамаскиново», «Белободского».⁵⁶

Из этих пометок Созицкий сделал вывод, что «Великая наука» составлена Андреем Белободским, переводчиком Посольского приказа, прини-

⁵¹ В книге II, беседе 14 (о материи параболитичной) автор следующим образом ввел 9 субъектов (подлежащих) из части V «Великой науки»: «Подумах было вся притчи параболитичные с Ветхого и Нового завета ту приточити, и яже проповедником слова божия нужнейшие суть объяснить, что и не велими трудно бы ми было, имеющему в руках толкования параболитичные, и конкордацию библии святой, по которой аще удобно чего припомнях мощно приобретати, но понеже вящую пользу усмотрил ест, естли б кто притчи параболитичные от разума своего могл объяснить, паче нежгли от толкования чужого, того ради иной путь собрах и намерение мое пременных, тшася по силе моей и помощи божии все вещи предложити, описати и явственно претолковати, на которых всякие параболы основание свое имети могут. А понеже всякая обыкновенно основана бывают на существах разных вещей, нужно есть перво вся пределения существу знати и ведати». Иными словами, механические «шпаргалки» (типа средневековых пособий для проповедников, носивших название *dormi secure*) автор предпочел заменить люллианской логической комбинаторикой.

⁵² Близость указанных частей обоих произведений привела к тому, что во многие списки «Великой науки» (но не во все, см.: архим. Никанор. «Великая наука» Раймунда Люллия. . . , стр. 36) была интерполирована из «Риторики Люллия» «Беседа о второй форме философской» с иллюстрирующим ее «Словом о посте».

⁵³ Следует обратить внимание на следующие слова в книге I, беседа 2, глава 1: «С грехом убо творят раскольники, не согласующиеся в вере с матерью своею церковью святою, от господа бога власть на земли приемшую, иже во еже не приити им под суд церковный, сами себе жгут, или же коею ни есть иною смертию убивают» (Муз. 205, л. 21, то же в списке Михайловского монастыря, № 1733, л. 9 об.).

⁵⁴ Д. Созицкий. Русский гомилет начала XVIII в. Иоаким Богомолевский. — Труды Киевской духовной академии (далее: КДА), 1902, №№ 8—12 (и отдельно).

⁵⁵ Решающими для него являются данные, основанные на изучении бумаги. Самая ранняя бумага старейшего (по мнению Созицкого) списка Увар. 2117 (472) относится к 1681 г., а самая поздняя — к 1708 (см.: Д. Созицкий. Русский гомилет начала XVIII в. Иоаким Богомолевский. Труды КДА, № 8, стр. 527). Что касается упоминания «великого Людовика, тако нареченного великого нынешнего царя французского» (Людовик XIV умер в 1715 г.), то это упоминание дословно взято из «Великой науки». Указание на то, что Люллий завел свою академию «назад тому лет 400 с лишком», нельзя, как делает Д. Созицкий (там же, стр. 535), истолковывать в том смысле, что оно не могло быть сделано ранее 1708 г. [Созицкий полагал, что Люллий умер в 1303/1307 г.]. Ведь Люллий основывал свою академию не в год своей смерти, а потому *terminus post quem* вполне может быть отодвинут назад, за 1703 г. Тем более что такое же указание имеется и в «Великой науке». Я оставляю в стороне вопрос, действительно ли сочинение написано Иоакимом Богомолевским, как полагал Созицкий. Это завело бы нас слишком далеко и потребовало бы анализа всего произведения в целом. Достаточно констатировать, что сочинение написано в Москве и написано после «Великой науки».

⁵⁶ Д. Созицкий. Русский гомилет начала XVIII в. Иоаким Богомолевский. Труды КДА, № 8, стр. 558, 559.

мавшим участие в переговорах с китайцами в 1689 г. в Нерчинске — переговорах, происходивших на латинском языке.⁵⁷

Андрею Белободскому принадлежит сочинение «Беседа милости с истиною». В списках этого сочинения он именуется «Андрей Христофоров сын Белобоцкий». Однако вряд ли он тождествен с Андреем Христофоровичем, автором «Книги философской».⁵⁸ По тематике эта последняя книга примыкает к рассмотренным нами люллианским сочинениям, хотя терминология отлична от той, которая принята, например, в «Великой науке».⁵⁹

Но кем бы ни были написаны «Великая наука» и «Риторика Люллия», оба сочинения несомненно возникли у нас в период интенсивного интереса к риторике вообще. Напомним, что к 1698 г. относится перевод «Риторики» Софрония Лихуда, исполненный монахом Чудовского монастыря Косьмою, а к 1710 г. — написание тем же Косьмою новой «Риторики».⁶⁰ В промежутке между этими двумя годами появился перевод «Руки риторической» Стефана Яворского, сделанный Федором Поликарповым (1705).⁶¹ К тем же годам относится «Риторика» Феофана Прокоповича.⁶²

⁵⁷ См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. III. Изд. «Общественная польза», СПб., стлб. 1031; ср.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 174 (здесь указан 1686 г.). — Д. Совицкий обращает внимание, что наряду с пометками «Дамаскиново», «Белобоцкого» в списке Увар. 2115 (6), л. 244, имеется пометка: «от себе придаток», что, по его мнению, указывает на автора «Риторики». Возражая Совицкому, А. И. Соболевский (рецензия на сочинение Д. Совицкого: ЖМНП, 1903, № 3, стр. 184) высказал мнение, что вся «Риторика» принадлежит Белободскому, а пометки «Белобоцкого» на полях сделаны позднее переписчиком. Предположение Совицкого о принадлежности «Великой науки» Андрею Белободскому несколькими годами позже развил Н. А. Соколов («Философия Раймунда Люллия» и ее автор, стр. 331—338). Заметим, что в списке Увар. 2117 (472) за «Риторикой Люллия» следуют силлабические стихи, озаглавленные «Пентатеугум, или пять книг кратких, творения Андрея Белобоцкого, о четырех вещах последних, о суете и жизни человека». Не решаясь утверждать что-либо категорическое, обращаю лишь внимание на две пометки в рукописи Увар. 2116 (126), л. 226 об. и 228: «Белобоцкого» и «Из других книг Белобоцкого». Первая имеет в виду «Риторикой Люллия» (а именно беседу о форме богословской), вторая — «Великую науку». Следовательно, автор этих помет считал оба сочинения принадлежащими Белободскому.

⁵⁸ «Книга философская, сложенная философом Андреем Христофоровичем» (изд. ОЛДП, СПб., 1878, XVIII) по списку, ныне принадлежащему ГПБ в Ленинграде, а именно Вяз. 28. Другие списки — ГИМ, Щук. 798; ГИМ, Барс. 2296. Издатели указывают, что имя Андрея Христофоровича, полковника, встречается на донесении земских бурмистров Белозерской ратуши от 24 сентября 1722 г. Любопытны слова в списке ГИМ, Щук. 662: «Имена творцов («Великой науки») обрящещи в первом древе Порфирия и втором Манориканском». Речь идет о тех «древях», которые были мною упомянуты выше (стр. 291). На л. 26 изображено древо Порфирия с именами: Косьма, Павел, Петр, Иоани, Феодор, а на л. 36 — древо Майориканское с именами: Андрей, Христофор, Феодор, Анна, Марина, Прокопий. В обоих случаях пририсован указующий перст с надписью: «зри». Догадка переписчика, что среди этих имен скрыто имя автора «Великой науки», конечно, наивна. Имена эти, как я уже сказал, варьируют от списка к списку. Но все-таки сочетание «Андрей-Христофор» заставляет задуматься. В сб. Вяз. 28 «Книга философская» находится рядом с другими сочинениями по логике, риторике и герменевтике, содержание которых переключается и с «Великой наукой», и в особенности с «Риторикой Люллия» (в разделе о четырех «разумах писания»).

⁵⁹ Так, *subiecta* передается не словом «существа», а словом «подлоги». Вместо «растительное существо» — «душа прозябающая». Акциденции («случаи» в «Великой науке») названы «прилучениями». Вместо «количества» (*quantitas*) — «великость», вместо «отношения» (*relatio*) — «возглашение» и т. д.

⁶⁰ Обе «Риторики», как уже давно установлено, основаны на *Tέχνη ῥητορικῆς* Франческо Скуффи, вышедшей в Венеции в 1681 г. Но именно только основаны и не являются простым ее переводом.

⁶¹ Изд. ОЛДП, СПб., 1878, XX.

⁶² Латинское сочинение Феофана «*De arte rhetorica libri X*» относится к 1706/07 г. Списки его указаны у И. А. Числовича (Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868,

Все указанные риторик, особенно благодаря стараниям Андрея Денисова, попали в последующие десятилетия на Выг и здесь усердно изучались и переписывались. В описании Выговской библиотеки, принадлежащем Г. Яковлеву и относящемся к XVIII в.,⁶³ мы встречаем перечень целого ряда риторик. Знаменательно, что он открывается сочинением Люллия:

Раймунда Люллия.
Риторика Лихудиева.
Риторика Козминская.
Риторика Стефана преосвященного.
Риторика преосвященного Феофана.

По образному выражению старообрядческих биографов А. Денисова, он, «как пчела, люботрудне облетал все вертограды, из которых мог извлечь источник премудрости, да готов будет к ответу всякому, вопрошающему о его уповании»,⁶⁴ или, по более прозаическому и резкому определению, данному его противником, он, собирая книги, «таскался» в России по «разным и дальним городам».⁶⁵ Только что приведенные слова: «да готов будет к ответу всякому» — почти в точности передают основную задачу «Великой науки» — «соответствати о всячем вопрошении».

«Поморский летописец утверждает, что А. Денисов знал в совершенстве не только пустынный постнический устав, но также торговый, приказный, воинский. Когда он беседовал с иноками о постническом уставе, о благоговейных предметах, то он являлся им совершенным иноком. Если же он рассуждал о купеческих делах с торговыми людьми, то он представлялся им не иначе, как опытным, знающим купцом. Так же точно А. Денисов, с полным знанием предмета, мог говорить с приказными о приказных делах, с земледельцами о земледелии. Беседуя с премудрыми учителями о премудрых делах, он им являлся не иначе, как мудрым ученым. Такие же глубокие познания он высказывал и в воинских уставах, когда речь касалась о них в разговорах с военачальниками».⁶⁶

В этом иконописном, идеализованном «портрете» нетрудно увидеть своего рода олицетворение «Великой науки», научающей искусству убедительно и красноречиво отвечать на все вопросы.

Из предисловия к поморскому списку «Грамматики» и «Риторик» Феофана Прокоповича⁶⁷ явствует, что люллианское искусство вошло на Выге в систему обучения:

«Порядок сей предлежит в рассуждении словесного художества наиболее от орфографии поступая в этимологию, а от сего в синтаксис, в поэтику, в логику или в риторику. Аще же из синтаксиса поступит кто в ри-

стр. 9). Русский текст «Риторик» находится в рукописи собрания В. Г. Дружинина № 155 (БАН). Он состоит из пяти бесед. Первая начинается словами: «Вопрос. Что есть риторика. Ответ. Риторика есть хитрость добре глаголати». Другой список — в рукописи ГПБ, Q.XV.14 (Богд. 116), лл. 42—277 об. И. А. Бычков определял ее как «Риторику неизвестного сочинителя». Текст в списке Q.XVII.200 (Богд. 50) ограничивается небольшим куском предисловия.

⁶³ Г. Яковлев. Извещение праведное о расколе беспоповщины (1748). — Братское слово, 1888, № 9, стр. 721—731.

⁶⁴ Цитирую по Н. И. Барсову (Братья Андрей и Семен Денисовы. — Православное обозрение, М., 1865, № 10, стр. 239).

⁶⁵ Андрей Иоаннов. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках... 3-е изд. СПб., 1799, стр. 115.

⁶⁶ П. С. Усов. Помор-философ. — Исторический вестник. СПб., 1886, № 4, стр. 158—159.

⁶⁷ См. указанный уже список Друж. 155, л. 3—3 об. Список поморского письма, на бумаге 1779 г.

торику, то может и той с начетом прочих книг добре риторствовать, при-
совокупя к сему Раймундову философию или метафизику. И тако⁶⁸ зде
предлагается краткий сий и ясный новосочиненный в северных странах
синтаксис, посем краткая и ясная приложена знатного российского ритора
Феофана Прокоповича риторика, а потом и сочиненные чрез риторские
места нашим ритором Андреем Дионисиевичем предлагаются два слова,
дабы желающие изучитися риторскому художеству по изучении синтак-
сиса и риторики чиновне умели слагати и целые слова».

В рукописях поморского письма часто встречаются «слова» с выделе-
нием риторического костяка на полях, т. е. с указанием, по какой форме
сочинена та или другая проповедь. Здесь мы ограничимся указанием
лишь на те, которые сочинены по люллианским формам. Таково «слово»
А. Борисова, выгорецкого киновиарха (умер в 1790 г.), на текст «Кто бог
велий».⁶⁹ На полях обозначено: «Сочинено по форме богословской». Иначе
говоря, в основу положены 9 абсолютных предикатов Люллия с добавле-
нием «естества, единства, и совершенства» (составляющих предмет I части
«Великой науки»)⁷⁰.

Семеном Денисовым, братом Андрея, написано «Рассуждение о пре-
дивном величестве природы человека».⁷¹ Оно начинается так:

«Елико дивна есть высота человеческого естества, елико изрядно про-
странство изобилия, елико превзято величества его богатство, имже тако
высоце превзятяся, толико светле превознесеса, яко и острейшим в рассу-
ждении умовом к толикому превзятия имству недоумеватися. Велика убо
есть и вся тварь, дивна же и преславна, занеже от превеликого и предив-
ного бога от небытия в бытие приведена; обаче числу, весу и мере подле-
жит оная, по речению премудрого: вся в число, вес и меру сотвори-
л еси. Естества же человеческого пребогатое довольство преизобильнише
и светльше показуется».

Мы узнаем здесь уже знакомые нам люллианские категории: «есте-
ство», «величество» и т. д. Дальше оратор гуляет по лестнице люллиан-
ских «существ» (subiecta):⁷²

«Велико есть и толико дивно высокопротяженное небо... светло есть и
пресветло светозарное солнце... добри суть чувствителнии животнии...
дивни во истину и предивни во всех и паче всех святыи небеснии ангели»
и т. д.

Наконец, из следующего отрывка мы окончательно убеждаемся, что
естественно-научные сведения «Великой науки» должны были всецело слу-
жить «красоте слога»:

«Добри суть чувствителнии животнии, зверие, скоти и птицы, от них
же велици елѣфанты, крепци лви, быстри елени, скоролетательни орли,
сладкопесниви славии. Но вси сии человеческим премудрым разумом, див-
ними человека художества смиряеми изрядне укротеваются, и толика
оных сила, толико многомошная крепость, такова воздухоходная быстрота
человеку всепокорно покоряется».

Таким образом, навсегда покончив с представлением о «Великой
науке» как энциклопедии реальных сведений, мы открываем для историка

⁶⁸ В списке Q.XVII.200 (Богд. 50) после этих слов читаем: «для сего учения
вкратце».

⁶⁹ Список Друж. 384 (БАН), лл. 188—194.

⁷⁰ На полях в соответствующих местах проставлено: «естество, единство, совер-
шенство, доброта, великость, пребывание, власть, разум, сила, истина, слава».

⁷¹ Список ГПБ, О.1.355 (Богд. 39), лл. 227—249 об.

⁷² См. таблицу на стр. 294 настоящей статьи.

литературы новый способ проникнуть в лабораторию ораторских произведений конца XVII и первой половины XVIII в.

Внимание и симпатии выговцев к люллианству могли поддерживаться и тем обстоятельством, что Люллий «многая гонения страдал, но царскими заступами, наипаче всех Филиппа короля французского оберегаем быть». ⁷³ Не так ли, как выговцы, которые, будучи гонимы господствующей церковью, старались заручиться покровительством Петра?

Предисловие к «Великой науке» сулило легкое и быстрое овладение «дивной мудростью». ⁷⁴ А это было особенно важно, потому что для выговцев были закрыты двери и Киевской, и Московской академии. Вот почему их и манили к себе рассказы о некоей Люллианской академии, которая соперничает с академией Аристотеля и Петра Рамуса.

В рассмотренной нами «Риторике Люллия» имеется интересное отступление, посвященное этим трем академиям. ⁷⁵ Здесь говорится, что «хвалы достойна Академия Маиорикана, которая от двух сект в нынешнем веку славных, от Аристотеля и Рама отступивши, последует во учении третия секты академицкой воздвижителю, творцу и наставнику своему, великому и предивному и просвещенному учителю, — тако Раймунда Люллия, философа и богослова мудрого, цари гишпанский и французски в грамотах своих нарицают». И дальше:

«Слышу издалека, яко много шумов, громов, ветров, волнов от оберегателей Аристотеля подвизаются на истинную науку Раймунда Люллия, но он сам от себя умел всем ответ давати, мудрыми выводами своими, аще не тако гордо, яко на тие вторые секты философской основатель, иже в столичном графе французском в Парижу в Сарбонской академии дерзнул всех философов на себя возбудити, разославши по всем академиям конклюзию или письмо таковое: „вся, яже писал и поучал Аристотель, ложь есть“. Заострился на таковую смелость и поругания Аристотеля учителя своего все академии, но егда весь день сами искуснейшие философов споряся с ним вси побеждени были и ниже одной вещи не могли довести с Аристотеля, что бы истинную науку умела, удивившася неслыханной мудрости Рама мудреца помянутого. И мнози пристали к нему, и завел новую академию Аристотеля сопротивную, от имени своего нареченную, и ныне во многих царствах обретается, аще расти и пространяться ей не попускают Аристотеля ученики, но и паче иже Рамус скоро опосле преставился и ученики его разума учителя своего не достигли. Аще же нецы спор равный поставити могут, не имеют такового дерзновения для ради множества сильных и небезопасных противников своих».

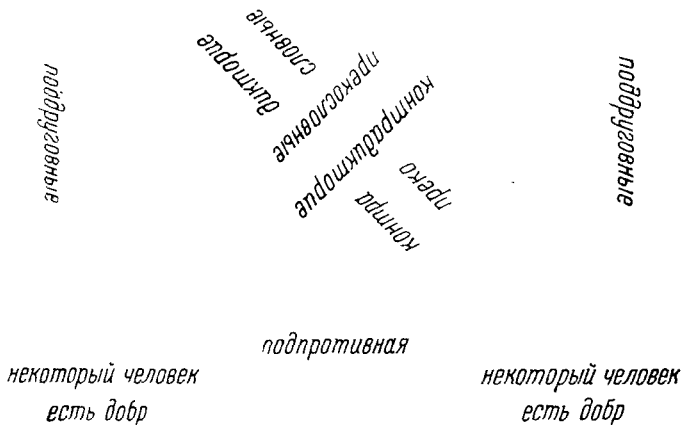
⁷³ См. предисловие к «Великой науке».

⁷⁴ «Петр Дагвин Медиат и Иаков Ануарий [Januarius] во всей италянкой земли славные мудрецы, от которых первый в 37 лет от рождения своего читати токмо выучился, семь токмо месяцев во учении сем прилежно упражняющийся у всех высокоученых со удивлением почтен есть, яко многие книги творения его изъявляют. Дивнейша вещь в другом была, иже в 70 лет начавше учиться тою наукою в кратком времени сверстался с высокоучеными. Фердинанд Кордуба [Corduba] гишпан, славный во многих землях мудрец, тою наукою прославился. Раймундус Сабунде, творец книги богословии естественныя и созданию твари описатель, в писмах своих объявил, сколь великую пользу от сей науки принял. Иаков Фабер и Король Бовиллий [Carolus Bovillus] в Парижи преславный учителя сею наукою величался. Немецкия земли три брата Андрей, Петр, Иаков Контерове [Canterii] с сестрою своею десятилетнею сею наукою тако мир удивили, иже не токмо немецкая земля, но и вся Франция и Италия и Рим по сей день удивляются им» (ГБЛ, Муз. 2867, лл. 1 об.—2). Ср. посвящение L. Zetzner'a (в R. Lullii Opera quae ad... artem universalem... pertinent, Argentorati, 1651), которое, однако, не содержит некоторых подробностей русского текста и, по видимому, основано на общем с ним источнике.

⁷⁵ ГБЛ., Муз. 205, лл. 197 об.—199 (кн. 3, беседа о 2-й форме риторической, гл. 5).

Такие антиаристотелианские строки могли внушить бодрость выговцам, знавшим, что «ученость» Киевской и Московской академий основана на Аристотеле.⁷⁶ В люллианских сочинениях выговцы надеялись найти оружие для состязаний с противниками, найти неизвестные этим противникам приемы логического спора и риторического «красногаложения».

Несмотря на такой антиаристотелизм, в люллианские сочинения, как мы уже отмечали, проникли некоторые элементы аристотелевского учения. Таковы категории, освещаемые в части VI «Великой науки» и в «Беседе о первой форме философской». Проникли сюда и элементы традиционной школьной логики, например так называемый логический квадрат, который иллюстрируется следующей схемой.⁷⁷

Таким образом, благодаря люллианским сочинениям русские читатели познакомились и с некоторыми понятиями, входящими в учебники логики вплоть до настоящего времени.

Таковы, как мне кажется, основные психологические причины, которые способствовали распространению люллианских сочинений в среде старообрядцев «поморского согласия». Их бытование в этой среде с полной очевидностью показывает, что мы имеем перед собою сочинения по логике и риторике. Но не следует забывать, что создались эти сочинения не там, а в основном в Москве. А потому возникают новые и, пожалуй, наиболее интересные вопросы. Во-первых, в какой мере повлияла на литературу конца XVII и начала XVIII в. люллианская техника до своего проникновения на Выг? Во-вторых, ограничивалась ли эта техника областью проповедничества или же служила основой и для светского красноречия? С этим связан вопрос: в каких московских кругах люллианская литература бытовала первоначально? Если «Великая наука» принадлежит переводчику Посольского приказа Андрею Белободскому, то «Риторика Люллия», основанная на «Великой науке», уже явно составлена духовным лицом.

Я полагаю, что если заниматься люллианскими сочинениями, то в эту именно сторону следует направить исследования. Пора вместе с тем прекратить в этих сочинениях поиски естественно-научных сведений, скольконибудь адекватно отражающих научные взгляды эпохи.

⁷⁶ Не могу согласиться с Б. Е. Райковым (Очерки..., 1-е изд., стр. 36—39; 2-е изд., стр. 57—59), который затушевывает пункты различия между учением Люллия и учением Аристотеля.

⁷⁷ „Великая наука“, ч. III, гл. 3.